

Френсис Скотт Фицджеральд

Алмазная гора

*Часть сборника
Загадочная история
Бенджамина Баттона
(сборник)*

Френсис Фицджеральд

Алмазная гора

«ЭКСМО»

1922

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44

Фицджеральд Ф. С.

Алмазная гора / Ф. С. Фицджеральд — «Эксмо», 1922

ISBN 978-5-457-13963-3

«Род Джона Т. Ангера был на отменном счету в Геенне – есть такой городок на Миссисипи. Отец Джона из года в год в жарких боях завоевывал первенство по гольфу среди любителей; миссис Ангер славилась, по местному выражению, «на все котлы и сковороды» своим зажигательным предвыборным красноречием; самому Джону Т. Ангеру едва исполнилось шестнадцать, однако новейшие нью-йоркские танцы он откалывал еще в коротких штанишках. И вот теперь ему предстояло на какое-то время расстаться с родным домом. Вся провинция, как известно, донельзя чтит учебные заведения Новой Англии: на алтарь этого почтения провинциалы приносят цвет своей молодежи, и родители Джона не остались в стороне. Непременно надо было, чтобы он отправился в колледж Святого Мидаса близ Бостона – не прозябать же их драгоценному и одаренному сыну в Геенне!..»

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-457-13963-3

© Фицджеральд Ф. С., 1922

© Эксмо, 1922

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Алмазная гора

I

Род Джона Т. Ангера был на отменном счету в Геенне – есть такой городок на Миссисипи. Отец Джона из года в год в жарких боях завоевывал первенство по гольфу среди любителей; миссис Ангер славилась, по местному выражению, «на все котлы и сковороды» своим зажигательным предвыборным красноречием; самому Джону Т. Ангеру едва исполнилось шестнадцать, однако новейшие нью-йоркские танцы он откалывал еще в коротких штанишках. И вот теперь ему предстояло на какое-то время расстаться с родным домом. Вся провинция, как известно, донельзя чтит учебные заведения Новой Англии: на алтарь этого почтения провинциалы приносят цвет своей молодежи, и родители Джона не остались в стороне. Непременно надо было, чтобы он отправился в колледж Святого Мидаса близ Бостона – не прозябать же их драгоценному и одаренному сыну в Геенне!

А в Геенне – кто бывал там, тот знает – фешенебельные закрытые школы и колледжи едва различают по названиям. Местные жители давным-давно отстали от мира сего и хоть и очень стараются поспеть за модой, но живут большей частью понаслышке. Чикагской ветчинной принцессе их одежда, манеры и литературные вкусы, конечно, покажутся «как-то слегка прошлогодними».

Джон Т. Ангер был готов к отъезду, Миссис Ангер по-матерински набила его чемоданы летними костюмами и вентиляторами, а мистер Ангер презентовал сыну туго набитый асбестовый бумажник.

– Помни, здесь тебе всегда будут рады, – сказал он. – Семейный очаг не остынет, будь уверен, мальчик.

– Я знаю, – сглотнул комок Джон.

– И не забывай, кто ты и откуда родом, – горделиво добавил отец, – это убережет тебя от неверных поступков. Ты – Ангер из Геенны.

Родитель и сын пожали друг другу руки, и Джон пустился в путь, обливаясь слезами. Через десять минут, покидая пределы города, он остановился и обернулся на прощанье. Старинная, викторианская надпись над воротами была ему чем-то отрадна. Отец все время предлагал сменить ее на что-нибудь бодрое и доходчивое, скажем: «Вот вы и в Геенне» или просто на «Добро пожаловать», а пониже выложить лампочками сердечное рукопожатие. Мистер Ангер считал, что старая надпись какая-то мрачноватая, но вот поди ж ты...

Джон поглядел – и обратился навстречу судьбе. И небесный отсвет оставленных позади огней Геенны был, казалось, исполнен теплой и яркой прелести.

* * *

От Бостона до колледжа Святого Мидаса полчаса на «Роллс-Ройсе». Сколько в милях – навеки останется тайной, ибо, кроме Джон Т. Ангера, никто не приезжал туда иначе, как на «Роллс-Ройсе», да, пожалуй, никто и не приедет. Это колледж для избранных – самый дорогой колледж в мире.

Первые два года прошли очень приятно. Джон учился с отпрысками денежных тузов и в каникулы гостил на модных курортах. Его гостеприимные сверстники ему вполне нравились, но отцы их были все на один покров; по молодости лет он часто дивился их поразительной неразличимости. Когда он говорил, откуда он, они неизменно шутили: «Ну и как у вас

там, припекает?» – а Джон по мере сил улыбался и отвечал: «Да не без того». Он бы, может, и сказал что-нибудь подходящее, но уж очень они все одинаково шутили, разве что кто-нибудь спрашивал иначе: «Ну и как вам там, не холодно?» – отчего у него опять-таки с души воротило.

К концу третьего семестра среди одноклассников Джона появился тихий, изящный юноша по имени Перси Вашингтон. Новичок был приветлив в обращении и на редкость хорошо одет – даже в колледже Святого Мидаса это бросалось в глаза, – но держался как-то особняком. Близко он сошелся только с Джоном Т. Ангером, но и с ним отнюдь не откровенничал насчет дома и семьи. Ясно было, что он из богатых, и все такое, но вообще-то Джон почти ничего не знал о своем приятеле, и любопытство его прямо-таки взыграло, когда Перси пригласил его на лето к себе, «на Запад». Он не заставил себя упрашивать.

И только в поезде Перси впервые немного разговорился. Однажды, когда они обедали в вагоне-ресторане и язвительно обсуждали однокашников, Перси вдруг заметил совсем новым тоном:

– Мой отец намного богаче всех в мире.

– А-а, – вежливо отозвался Джон. Непонятно было, что бы еще сказать на такое признание. «Это замечательно» – не прозвучит, и он чуть было не сказал: «В самом деле?» – но вовремя спохватился: вышло бы, что он сомневается в словах Перси. А в таких поразительных словах сомневаться, пожалуй, не следовало.

– Намного богаче, – повторил Перси.

– Помню, я читал в справочнике, – решил Джон, – что в Америке есть один человек с годовым доходом пять миллионов и четверо, у кого свыше трех миллионов...

– Тоже мне богачи. – Перси брезгливо скривил рот. – Крохоборы-капиталистики, банкиришки, торгаши и ростовщики. Отец мой их всех скупит и сам того не заметит.

– Почему же тогда...

– Почему его нет в справочнике? Да потому, что он не платит подоходного налога. Платит какие-то там гроши, но не с дохода, а так.

– Вот уж, наверно, богатый человек, – простодушно заметил Джон. – И прекрасно. Я как раз люблю очень богатых. Чем богаче, тем лучше – по-моему, так. – Его смуглое лицо сияло искренностью. – Прошлую Пасху я гостил у Шнитцлеров-Мэрфи. И у Вивьен Шнитцлер-Мэрфи были рубины с куриное яйцо и такие лучистые сапфиры, как фонарики...

– Камни – это да, – восторженно поддержал Перси. – Конечно, в колледже об этом никому знать не надо, но у меня у самого есть неплохая коллекция. Камни собирать интереснее, чем марки.

– А какие алмазы бывают, – мечтательно продолжал Джон. – У Шнитцлеров-Мэрфи были алмазы с грецкой...

– Дребедень. – Перси склонился к приятелю и глухо зашептал: – Побрякушки. У моего отца алмаз – побольше, чем отель «Риц-Карлтон».

II

Закат в горах Монтаны сгустился между двумя вершинами, как громадный синяк, и темные вены расползлись от него по изувеченному небу. Небо отпрянуло в горную высь от деревушки Саваоф – крохотной, унылой, безвестной. По слухам, там жило двенадцать человек, двенадцать темных и загадочных душ, извлекавших пропитание из голого, почти совсем голого камня, на котором они произросли, неведомо как и почему. Они стали особой породой, эти двенадцать саваофцев, как будто природа сперва расщедрилась на новую тварь, а потом опомнилась и оставила их копошиться и гибнуть.

Из далекого иссиня-черного сгустка в скалистую пустошь выползла цепочка огней, и двенадцать саваофцев возникли, как призраки у станционного сарайчика, навстречу семи-часовому трансконтинентальному экспрессу из Чикаго. Примерно шесть раз в год трансконтинентальный экспресс, повинуюсь непостижимому расписанию, останавливался у платформы Саваоф, и кто-то сходил с поезда, садился в коляску, поданную из сумерек, и исчезал во тьме закатного синяка. Саваофцы глазели на это нелепое и диковинное происшествие, словно соблюдали некий обряд. Глазели, и только: в них не было ни капли того одушевленного воображения, которое побуждает любопытствовать и размышлять, а то бы вокруг этих таинственных событий народилась своя религия. Но саваофцы жили помимо всякой религии: самые дикие и простые христианские верования и те не прижились бы на этой скале. У них не было ни алтаря, ни жреца, ни жертвоприношений; просто народ каждый день к семи вечера стекался к станционному сараю и возносил взамен молитвы смутное и вялое изумление.

В этот июньский вечер Главный Кондуктор, которого саваофцы считали бы богом, если б бог им был нужен, повелел, дабы семичасовой поезд сгрузил людей (или нелюдь) в Саваофе. В две минуты восьмого Перси Вашингтон и Джон Т. Ангер сошли с подножки, промелькнули перед замороженными, распахнутыми, испуганными глазами двенадцати мужчин, уселись в коляску, которая явилась ниоткуда, и уехали.

Через полчаса, когда полумрак сгустился дотемна, молчаливый кучер-негр окликнул что-то черное впереди. На окрик вспыхнул рдяный диск, словно воспаленный глаз злобно уставился из непроглядной тьмы. Они подъехали ближе, и Джон понял, что это задний фонарь автомобиля, громадного и роскошного. Металл его корпуса отливал никелем и отблескивал серебром; втулки искрились зелено-желтым геометрическим узором – бисерным, а может, и самоцветным, – Джон не рискнул гадать.

Два негра в расшитых ливреях, как с картины лондонской королевской процессии, стояли навытяжку у автомобиля и приветствовали молодых людей, вылезших из коляски, на языке, непонятном гостю, но похожем на исконное негритянское наречие Юга.

– Садись, – сказал Перси приятелю, когда их чемоданы забросили на эбеновую крышу лимузина. – Жаль, что пришлось тебя слегка протрясти, но сам понимаешь – куда ж с таким автомобилем на глаза пассажирам или этому несчастному саваофскому отребью.

– Ух ты! Ну и авто! – вырвалось у Джона при виде внутреннего убранства автомобиля. Его взгляду предстала парчовая обивка, сплошь затканная тонкими шелковыми узорами, вся в крапинках драгоценных камней.

Приятели развалились в кресельных сиденьях, пышный ворс которых переливался всеми оттенками страусиного пера.

– Ну и авто! – повторил изумленный Джон.

– Колымага-то? – рассмеялся Перси. – Да это старая рухлядь, она у нас для поездок на станцию.

Тем временем автомобиль мчался в темноте по направлению к перевалу.

– Через полтора часа будем на месте, – сказал Перси, взглянув на часы. – Кстати уж скажу тебе, что ничего подобного ты в жизни не видел.

Если и все прочее было под стать автомобилю, то Джона в самом деле ожидало необычайное. В Геенне простодушно и благочестиво преклонялись перед богатством с пеленок, всей душою чтили его, и не дай бог Джон нарушил бы эту заповедь умиления – родители отrekliсь бы от него, не стерпев такого кощунства.

Они достигли ущелья, углубились в него, и дорога почти сразу стала ухабистой.

– Если б сюда пробивалась луна, посмотрел бы ты, какое ущелье, – сказал Перси, щурясь в темное окошко. Он что-то приказал в микрофон, и лакей тут же включил прожектор, мощным лучом хлестнувший по горным склонам.

– Видишь, кругом осыпи. Обычный мотор разнесло бы на куски в полчаса. Не зная дороги, здесь и на танке-то едва проберешься. Вот заметь, вверх пошло.

Чувствовалось, что они едут в гору. Через минуту-другую автомобиль вынырнул у гребня, и вдали мелькнула бледная, юная луна. Внезапно они остановились, и вокруг возникли из темноты какие-то фигуры – снова негры. Молодых людей приветствовали все на том же полувнятном наречии; затем негры принялись за работу и зацепили крючья четырех гигантских тросов, свисавших откуда-то сверху, за ступицы огромных самоцветных колес. Раздалось «Э-гей!» – и Джон ощутил, как автомобиль медленно оторвался от земли и взмыл ввысь – над самыми высокими скалами с обеих сторон, и еще выше, и под ними открылась лунная долина, такая непохожая на покинутое кремнистое крутогорье. Справа высилась скала – а потом и ее не стало, кругом было чистое небо.

Очевидно, они перенеслись за каменное лезвие высокого горного отрога и все еще поднимались. И тут же стали спускаться и наконец, подпрыгнув, приземлились на равнине.

– Остальное пустяки, – сказал Перси, глянув в окно. – Отсюда всего пять миль, и дорога наша собственная – брусчатка – до самого дома. Как говорит отец, здесь Соединенные Штаты кончаются.

– Мы разве в Канаде?

– Нет, зачем же. Мы в Монтане, в Скалистых горах. Только вот этих пяти квадратных миль нет ни на одной карте.

– А почему? Пропустили?

– Да нет, – усмехнулся Перси, – три раза нас пробовали засечь. Первый раз мой дед подкупил все геодезическое управление; другой раз ему удалось подправить официальную карту – и пятнадцать лет никто не совался. Зато в последний раз была суцая морока. Отец мой соорудил сильнейшее искусственное магнитное поле, чтобы отклонить их компасы. Он изготовил целую партию геодезических приборов с изъяном, таких, чтоб пропускали это место, и подменил точные. Еще он отвел реку, и на берегу сделали кой-какие постройки – чтоб казалось, будто это городок в долине от нас за десять миль. В общем, отец мой только одного боится, – закончил он, – одна только и есть для нас опасность в мире.

– Какая?

Перси перешел на шепот.

– Аэропланы, – вздохнул он. – У нас есть с полдюжины зениток, и пока справляемся – правда, несколько убитых и много пленных. Мы-то с отцом понимаем, что это в порядке вещей, а мама с девочками огорчаются. Но в другой раз все может обернуться не так благополучно.

Зеленая луна сияла из-за мохнатых облаков, которые стелились перед нею в изумрудном небе, словно драгоценные восточные ткани пред очами татарского хана. Джону помешалось, что сейчас день и что он видит в небе авиаторов, сыплющих с борта назидательные брошюры и лекарственные рекламки, обнадеживая унылое деревенское захолустье. Ему показалось, будто они парят и вглядываются – разглядывают то, что он сейчас увидит, –

а потом? А потом их как-нибудь хитростью заманивают на землю и держат до окончания дней в заточении: ни тебе лекарств, ни брошюрок. Или, если заманить не удастся, откуда-то вылетает клуб дыма, рвется снаряд, аэроплан обрушивается наземь, а мать и сестры Перси «огорчаются»? Джон встряхнул головой, и глухой смешок сорвался с его губ. Какие за всем этим кроются жестокости? Как властвует этот странный Крез? Что это за жуткая, вызолоченная тайна?..

Шерстистые облака уплыли, и горная ночь была яснее дня. Огромные шины катили по ровной брусчатке; дорога обогнула тихое, залитое луной озеро и углубилась в прохладный, смолистый мрак сосновой рощицы; затем вывела на луг, и Джой вскрикнул от восторга, а Перси коротко заметил: «Приехали».

Осиянный звездным светом, на берегу озера стоял дивный дворец в полвысоты горы, к которой он прильнул во всей своей мраморной прелести, ровно и мягко врисовываясь в густой нагорный сосняк. Бесчисленные башенки, ажурные кружева косых балюстрад, узорная прорезь тысячи треугольных, квадратных, шестиугольных окон, излучавших золотистый свет, зыбкое смешенье синих теневых полос со звездными струями – все это отдалось трепетным аккордом в душе Джона. Верхушка одной из башен, самой высокой и исчерна-темной снизу, была увенчана сказочным сонмом огней, и когда Джон возвел к ним очарованный взгляд, до земли донеслось томное пение скрипок: таких изнеженных созвучий он никогда еще не слышал. Автомобиль остановился перед просторным и длинным мраморным сходом, овеванным ароматами цветов. За верхней ступенью бесшумно распахнулись стрельчатые двери, и в ночь хлынул янтарный свет, озаривший великолепный силуэт темноволосой дамы с высокой прической. Она простерла к ним руки.

– Мама, – произнес Перси, – это мой друг, Джон Ангер из Геенны.

В памяти Джона этот первый вечер остался сумятицей красок, мгновенных впечатлений, музыки, нежной, как любовное признание; чарующим хороводом бликов и теней, мельканьем движений и лиц. Вспоминался статный седой мужчина, подносящий к губам хрустальный на золотой ножке фиал с многоцветным питьем. Вспоминалась девушка в одеянии феи, с лилейным личиком, с сапфирами в волосах. Вспоминался пышный покой, где плотные, золотые стены уступали легкому нажатию руки; и покой, подобный платоновскому «узилищу идей» – сверху донизу устланный сплошным алмазным слоем, бриллиантами всех форм и размеров: с фиолетовыми светильниками по углам, он слепил белизной, ни с чем не сравнимой, превыше человеческих помыслов и мечтаний.

Приятели брели чередой покоев. Под ногами у них вспыхивали узоры: то буйная цветочная смесь, то пастельные разводы, то белоснежная глубина, то мозаичные арабески, наверно, скопированные в какой-нибудь адриатической мечети. Под толстым хрустальным настилом расходились сине-зеленые струи, а в них, между радужными сгустками водорослей, мелькали пестрые рыбы. Они шагали по разноцветным и разнообразным мехам, шли по коридорам, выложенным от пола до потолка чистой слоной костью, сплошной, словно из гигантских бивней динозавров, вымерших задолго до появления человека...

Потом они как-то вдруг оказались за столом – и тарелки были цельнобриллиантовые, в два тончайших слоя с прокладкой изумрудной филиграни, будто вырезанные из воздуха. Коридоры источали тихую тягучую музыку – и пуховое кресло, слитое с его спиной, не жило и дурманило его, а он пил свой первый стакан портвейна. Сквозь дрему он пытался ответить на чей-то вопрос – но липучая медвяная нега была поволокой сна: камни, ткани, вина, золото – все расплывалось у него в глазах сладостным туманом...

– Да, – отозвался он из последних сил, – да, там у нас, конечно, припекает.

Он даже чуть подхихикнул; а потом, не шелохнувшись и не противясь, словно бы отплыл от стола и от мороженого, алого, как сон... Он уснул.

Он открыл глаза и почувствовал, что проспал несколько часов. Он был в большой тихой комнате с агатовыми панелями и тусклой подсветкой, такой слабой, такой мягкой... Его юный хозяин стоял над ним.

– Ты уснул за обедом, – сказал Перси. – Я и сам чуть не уснул, так было приятно слегка отдохнуть в нормальной обстановке после года в колледже. Пока ты спал, слуги тебя раздели и выкупали.

– Я в постели или на облаке? – выговорил Джон. – Перси, Перси, не уходи, мне надо извиниться перед тобой.

– За что?

– Что я не поверил тебе про алмаз больше отеля «Риц».

Перси улыбнулся.

– Я так и думал, что ты не согласишься. Это ведь гора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.